

НИККИ ЛОГАН

Красивый, богатый, свободный...

HARLEQUIN®

kiss™

Никки Логан
Красивый, богатый,
свободный...

Серия «Поцелуй – Harlequin», книга 32

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9811491

Красивый, богатый, свободный...: Центрполиграф; Москва; 2014

ISBN 978-5-227-05630-6

Аннотация

В районе художников на западном побережье Австралии живет и работает одинокая девушка-стеклодув Наташа Синклер. После смерти матери Таш находит дневник, из которого узнает о ее тайном возлюбленном. Вскоре она знакомится с Натаниэлем Муром, между ними завязывается дружба, однако его сын Эйден не желает, чтобы отец общался с красивой талантливой молодой женщиной. Он является в мастерскую Таш, намереваясь убедить ее отказаться от встреч с отцом, но вместо этого делает заказ. Влечение молодых людей друг к другу непреодолимо, однако на пути к совместному счастью слишком много препятствий. Смогут ли Таш и Эйден преодолеть ложные предубеждения и обрести свою любовь?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Никки Логан

Красивый, богатый, свободный...

My Boyfriend And Other Enemies

© 2013 by Nikki Logan

«Красивый, богатый, свободный...»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

*Посвящается Джо. Благодарю за поддержку,
дружбу и рассудительность в последних десяти
книгах*

Глава 1

Таш Синклер пристально смотрела на красивого мужчину с волосами с проседью, который в многолюдном прибрежном кафе непринужденно беседовал с более молодым человеком, сидящим напротив. Глубокая синь гавани Фримантл простиралась за ними. Ей бы шпионить за Натаниэлем Муром из дальнего угла кафе, но она поймала себя на том, что ее внимание постоянно отвлекает скромно одетый человек рядом с ним. Не столь аристократичный, как его старший друг, ближе к тридцати, чем к пятидесяти с лишним, был он невероятно притягателен. Таш вновь заставила себя сосредоточиться на пожилом мужчине.

Натаниэль Мур выглядел расслабленным, почти беззаботным, на мгновение Таш чуть было не отступила от своего плана, готовая запустить реактивную гранату во все это спокойствие. Правильно ли она поступает? Вроде правильно. К тому же она обещала маме...

Тот, что моложе, подал знак официанту, чтобы принесли еще кофе, его свитер цвета мха обтянул могучие плечи. Таш, противясь непреодолимому притяжению, заставила себя перевести взгляд на Мура.

Ясно, что привлекло ее мать в этом чиновнике высшего звена тридцать лет назад. Он просто живое воплощение Марлона Брандо.

Таш взглянула на него еще раз. Адель, ее мать, любила этого человека до самой смерти, а он, судя по записям в дневниках и семейным сплетням, отвечал взаимностью. Однако они прожили врозь большую часть жизни.

Таш и в голову бы не пришло просматривать старые дневники и тем более пытаться отыскать этого человека, если бы не сообщение от него, поступившее на мобильный телефон матери в пятидесятый день рождения. Сообщение для женщины, которая никогда не получит его, весьма значимое событие.

Она вновь сконцентрировала свое внимание на мужчине в дальнем углу кафе. Натаниэль приподнял голову и окинул невидящим взглядом посетителей, на секунду задержался на незнакомке в темных очках, скрывающих неподдельный интерес. Натаниэль Мур все еще скорбел в полном одиночестве, она могла бы поспорить на все самые лучшие свои произведения искусства. Его собеседник отодвинул свой стул и встал, сдвинув пустые чашки в сторону, извинился перед Натаниэлем и направился в сторону туалетов, пройдя совсем близко к ее столику. Проходя мимо, он, как большинство мужчин, окинул ее оценивающим взглядом. Этот взгляд подсказывал, что ее никогда не пригласят познакомиться с семьей. В лучшем случае подарят нижнее белье на Рождество, но никогда кольцо.

Обычно Таш упорно игнорировала подобные оценки, но сегодня выпал шанс увидеть цвет его глаз. Не стоит спро-

тивляться. Она чуть приподняла голову и уперлась глазами в его взгляд. У нее перехватило дыхание.

Не классический красавец, но губы красиво очерченные, а глаза бездонные и того редкого голубого оттенка, как бесценное кобальтовое стекло, с которым она работала. Просто дух захватывало.

Таш с трудом оторвала от него взгляд, глубоко вздохнула и вернулась к созерцанию человека, сидящего в одиночестве и глядящего вдаль.

Сделай это! Сделай это сейчас!

Таш потянулась к кнопке вызова на мобильном, следя за Натаниэлем. Он небрежно сунул руку в карман костюма, дернул узел галстука, немного ослабив его. Она чуть было не нажала на кнопку отбоя, но Натаниэль поднес к уху телефон.

– Натаниэль Мур, – послышался глубокий мягкий голос.

Ее сердце сжалось так, что она не могла говорить, между бровями залегла морщинка. Он опустил телефон, взглянуть, кто звонит.

– Алло?

Говори!

– Мистер Мур!

Он поднял брови.

– Да.

Таш глубоко вздохнула.

– Мистер Мур, сожалею, что приходится прервать ваш обед.

Черт! Она не должна была знать, где он находится. Таш сощурилась, присмотрелась. Казалось, он слегка побледнел, заметно сжав рукой трубку.

– Мистер Мур, меня зовут Наташа Синклер. Полагаю, вы были знакомы с моей матерью. – Она наблюдала за сменой эмоций на его лице. Ужас. Недоверие. Горе. Надежда. В основном горе.

Он молчал целую вечность. Таш наблюдала за его паническим взглядом, мечущимся в поисках партнера, обедавшего с ним. В конце концов он заговорил, почти прошептал:

– Вы говорите прямо как она.

– Знаю. Мне жаль. С вами все в порядке?

Натаниэль потянулся за кувшином и налил воды в стакан. Таш увидела, как он нетвердой рукой подносит стакан к губам, услышала, как он сделал глоток.

– Я... да. Я в порядке. Просто в шоке. Удивлен, – добавил он, словно поняв, что был невежлив.

Таш рассмеялась:

– В шоке, я думаю. – Она вздохнула. – Я хотела позвонить вам... чтобы убедиться, что вы знаете...

Да, знает, судя по выражению лица.

Наступила тишина, Мур боролся с эмоциями. Снова посмотрел в сторону туалетов.

– Я слышал. Сожалею, что не смог приехать на похороны. Это было невозможно.

Таш знала все о раздорах между их семьями, неоднократно

но читала о последствиях в маминых дневниках.

– Вы не смогли попрощаться.

Он отвернулся к гавани. Его голос стал хриплым.

– Наташа, я так сожалею о вашей потере. Она была удивительной женщиной.

Таш не глядя почувствовала, кто проходит мимо ее столика. Обладатель атлетической фигуры в свитере цвета мха направился в сторону Натаниэля Мура, бросив на нее мимо-летний равнодушный взгляд. Ее сердце забилося не только потому, что время исте кало.

– Мистер Мур, – решительно сказала она в трубку, – я хочу, чтобы вы знали, независимо от того, как наши семьи относятся друг к другу, мои двери всегда открыты для вас. Если захотите встретиться...

Молодой человек добрался до своего стула, по выражению лица своего спутника понял, что творится неладное. Натаниэль Мур резко встал.

– Э-э, минутку, пожалуйста, извини меня.

Это обращено к ней или к его спутнику?

Натаниэль неловко выбрался из-за столика, жестом показав, что разговаривает по телефону. Заинтересованный взгляд голубых глаз последовал за ним, затем подозрительно obeжал кафе. Таш вскинула голову, приклеив к лицу улыбку, будто ведет непринужденный разговор, когда оказалась в поле его зрения. Не то чтобы не хотела позволить себя обнаружить, просто не хотела создавать неприятности человеку,

которого любила ее мать.

Не в первый раз с тех пор, как обнаружила дневники, Таш представила, каково это – чувствовать себя любимой и любить. Ее взгляд вернулся к молодому человеку, сидящему теперь в полном одиночестве за столиком у кромки воды.

– Вы здесь?

– Простите, да.

Таш увидела Натаниэля за гигантскими пальмами в горшках, тяжело вздохнула.

– Мистер Мур, я хотела, чтобы вы знали, моя мать никогда не переставала любить вас. Ее дневники полны воспоминаний о вас. Особенно в конце.

Натаниэль ссутулился еще больше.

– Вы так много потеряли, – сказал он сдавленным голосом. – Столько перенесли.

Таш обернулась к их столику. Голубые глаза следили за Натаниэлем из дальнего конца кафе, все сильнее щурясь. Она покачала головой.

Больше, чем было у вас когда-либо. Больше, чем одна необыкновенная ночь вместе.

– Как ни тяжела потеря, я, по крайней мере, жила с ней всю жизнь. Тридцать лет. Она была подарком.

Он прошептал в трубку:

– Она была...

Наступила тишина, Таш поняла, что он старается совладать с собой.

– Вы должны идти. Я позвонила в неподходящее время.

– Нет! – Натаниэль прокашлялся, со вздохом взглянул в сторону своего столика. – Да, сожалею. Я здесь с сыном.

Внимание Таш снова задержалось на молодом мужчине. Это Эйден Мур? Предприимчивый молодой выскочка, бич общества?

– У меня теперь есть ваш номер в телефоне.

Натаниэль вновь обрел самообладание, о котором Таш читала в деловых журналах.

– Позвольте, я перезвоню позже, когда смогу свободно говорить?

Она едва слышала последние фразы, хотя соглашалась. Ее взгляд оставался прикованным к молодому Муру. Он не может быть таким неотразимым. Он не может источать дразнящий аромат восточных пряностей. Она не может тонуть в этих голубых глазах.

Нет, если он сын Натаниэля Мура.

Муры ненавидят Портеров и Синклеров. Почему наследник должен быть другим?

Таш потребовалось мгновение, чтобы осознать две вещи. Во-первых, ее подвела бдительность, и она позволила себе слишком долго на него смотреть. Во-вторых, его голубой взор, открытый и любопытный, теперь сосредоточился на ней.

Таш схватила сумочку, бросила деньги на столик и быстро пошла к выходу на ватных ногах, прижав телефон к уху,

будто все еще разговаривала.

Она чувствовала на себе взгляд Эйдена Мура до тех пор, пока не выскочила на солнце Фримантла.

Глава 2

Женщину перед ним едва можно было узнать, она отличалась от той, которую он видел в кафе, но Эйден Мур давно научился не судить о книге по обложке. В прошлый раз она, возможно, выглядела достаточно хрупкой, чтобы разбиться, но, наблюдая за тем, как она держит в руках, словно копье, трубку с шаром из расплавленного стекла, светящегося на кончике, наблюдая за сосредоточенностью, с которой она вращает ее и отправляет в горящую печь, у него вдруг возникли сомнения относительно ее безжалостности. Этот крепкий стержень в отблесках света, исходящего от ярко горящего шара из магмы, не выглядел хрупким. Его план изменился на месте. Эта женщина не отреагирует ни на один из его выверенных общих взглядов. Ее не подкупишь, она не поддастся на преследование. Выжидательная позиция, возможно, тоже не сработает. То, с какой сосредоточенностью она придавала расплавленному стеклу нужную ей форму, поворачивая раз за разом трубку, говорило о терпении, которого ему не доставало. И о неожиданной решительности.

Таш подняла светящуюся массу – *что, черт возьми, это будет, когда она закончит*, – и аккуратно установила длинный инструмент в старомодные тиски, затем протянула руку с чем-то, напоминающим оловянные ножницы, и принялась обрезать края жгущей глаза массы едва застывшего стекла.

Миниатюрная и стройная, она из-за жары спустила рабочий комбинезон и завязала рукава вокруг талии, оставив лишь топ, чтобы защититься от всего, что может вспыхнуть или брызнуть на нее. Неве роятно самоуверенно или глупо. Учитывая, как сильно пришлось поусердствовать, чтобы его отец обратил на нее внимание, Эйден склонялся к первому. Он бы поспорил на свою последнюю премию, что ее глаза, скрытые промышленными защитными очками, искрятся умом столь же острым, как и быстро остывающие осколки, которые она отрезала от конструкции. В кафе она скрылась за большими, не по размеру, солнцезащитными очками. Ловко ими воспользовалась, чтобы замаскировать шпионство. Эйден наконец понял, сколько внимания незнакомка уделяла его отцу. И как сильно старалась скрыть это. Как только она поняла, что игра проиграна, тут же ушла, но он успел хорошенько рассмотреть черты ее лица, форму губ, эльфийскую спутанность шелковистых волос. Достаточно, чтобы запомнить и узнать спустя неделю, когда она появилась в парке напротив главного здания компании Мура. Там она встречалась с его отцом.

Таш погрузила раскаленное стекло в стоящее рядом ведро с водой и мгновенно исчезла в облаке пара. Крошечные капельки цеплялись к каждому из светлых волосков на ее теле, будто она вся была из того же материала, который обрабатывала. Но эта женщина далеко не из хрупкого стекла.

– Мистер Мур. Чем могу помочь?

Ему потребовалось мгновение, чтобы оправиться от наглости, с которой она дала понять, что знает, кто он. Даже не потрудилась изобразить неведение. Более того, мягкая напряженная интонация ее голоса прекрасно скрывала волнение. Эйден удержался, чтобы не дать ей несколько очков вперед.

«Вы можете завершить свой романчик с моим отцом», — едва ли будет эффектной отповедью. Эйден откашлялся.

— Я надеялся приобрести несколько предметов для нашего фойе. Нечто уникальное и естественное. Есть у вас что-нибудь подходящее?

Эйден знал, ей будет трудно отказать: у нее все именно такое. Он взял на себя труд навести справки в Интернете, прежде чем приехать сюда. Таш Синклер имела вполне приличную репутацию в художественных кругах.

Она сдвинула очки на лоб.

— Вы здесь не за этим.

Эйден медленно и тихо втянул в себя воздух. Очки оставили красные следы вокруг ее глаз, но он заметил огромные шоколадно-коричневые драгоценные камни, сверкнувшие на него, столь же великолепные, как и любое из ее творений. И полные подозрения. Тут же в сознании проскользнула нелепая мысль. *Им бы поменяться глазами!* У него темные волосы, смуглая кожа и темно-синие глаза матери. В то время как Таш Синклер, белокожая, практически северная, с карими глазами, которые должны были бы принадле-

жать ему. Увлекательное сочетание.

– Может быть, это и не то, зачем я пришел, в частности, но говорю серьезно. Ваши работы удивительны.

Эйден бродил без разрешения по студии и осматривал работы на полках. Множество высоких замысловатых ваз, черепахи и ламантины, зеленые морские драконы, необычные медузы.

Она следила за ним, пока он расхаживал по ее пространству. Краем глаза он заметил, как она подняла дрожащие пальцы к спутанным волосам, быстро закрутила их и закинула себе за спину. Он сощурился. Несмотря на то что она увлечена его отцом, все-таки беспокоится, хорошо ли выглядит для него. Очаровательно.

Если маленькая мисс Художница одержима идеей подцепить его отца, пожалуй, фирменная коллекция стальных взглядов не самое эффективное оружие в его арсенале. Или его чековая книжка. Возможно, тут что-то более личное. Он сам.

Если она охотится за именем или деньгами Мура, он имеет и то и другое. Возможно, она позволит себе отвлечься от отца, тридцать лет состоящего в браке, в пользу его младшей и единственной модели. Давно пора сделать для него что-нибудь хорошее. Если ее волнует его мнение, тут есть над чем поработать.

Если бы она знала, о чем он думает, глядя на нее, наверное, пробежала бы уже целую милю. Она ежедневно рабо-

тает с огнем, работает, но не играет. В отличие от него. Он любит бурные короткие и пылкие отношения с непостоянными блестящими амбициозными женщинами. Он тореро, она бык. Его цель – заставить ее удерживать взгляд на нем достаточно долго, чтобы забыть о своей одержимости его отцом. Продолжать описывать вокруг нее круги, все дальше и дальше отводя от семьи, которую он так отчаянно пытался защитить. Его мать всю жизнь посвятила ему. Самое меньшее, чем он мог бы отблагодарить ее, – помочь сохранить верность мужа. Если еще не поздно.

– Чувствуйте себя как дома, – сказала Таш с издевкой, приподняв бровь, снимая щитки с запястий и бросая их на рабочий стол.

Эйден проглотил улыбку и взглянул на ведро, от которого все еще валил пар.

– Над чем работаете?

– Практиковалась в изготовлении болванки для декоративной вазы. Мне с ней не повезло.

Таш вытащила из почти испарившейся воды трубку и неуклюжее произведение на другом ее конце. Стекло трескалось. Она кивнула на ряд разноцветных стеклянных трубок на рабочем столе.

– Это будут попугаи, расположенные вокруг ее горлышка.

– Я возьму ее.

– Она не продается, пока я не доведу ее до ума.

Таш, смеясь, бросила испорченное стекло в корзину для

отходов. Ее смех и звон разбитого стекла прекрасно гармонировали.

– Кроме того, вы не похожи на человека, который может по достоинству оценить ярко-розовую вазу с попугаями.

– Я ценю качество. Во всех его формах.

Эйден поднял глаза и намеренно зафиксировал на ней взгляд. Классический прием Мура. Морщинка сомнения залегла между ее бровями в виде латинской буквы V. Она не покраснела, как он ожидал, выглядела раздраженной.

– Если готовая ваза вам все-таки понравится, я сделаю копию для стола в вашей приемной. За деньги.

– Я не жду скидку по дружбе.

– Прекрасно, ведь я даже не знакома с вами. – Ее темные глаза сверкнули. – Но вы, видимо, знаете меня. Что привело вас сюда?

Эйден использовал молчание в залах заседаний. Скорость, с которой оппонент кидался заполнять повисшую тишину, многое говорила о нем. Но сейчас пауза затягивалась на десятки секунд, миниатюрная женщина медленно выжидала в мерцающем ореоле безмятежности.

Ну, черт возьми... И Эйден, вопреки приему, заговорил первым:

– Вы следили за нами в кафе.

Таш осторожно вздохнула и пожала плечами.

– Двое таких красивых мужчин, уверена, я не единственная, кто на вас смотрел.

Небрежность, с которой она это сказала, навела его на мысль о двусмысленности комплимента.

– Вы встречались с моим отцом на прошлой неделе.

Опять осторожный вздох.

– Через дорогу от вашего офиса. Вряд ли это тайна. Ваш отец знает, что за ним следят?

– Я просто проходил мимо.

Лжец!

– Значит, ему известно, что следят за мной?

Эйден моргнул. Эта женщина напрасно тратит время в художественной студии. Ей бы делать карьеру в одном из филиалов МурКо. Впервые у него возникло подозрение, что интерес его отца к симпатичной блондинке, возможно, связан не с пухлыми губами и невинными глазами. У Наташи Синклер есть мозги, и она умеет ими пользоваться.

– Поужинайте со мной.

В ответ обидный смех.

– Нет.

– Тогда научите меня выдувать стекло.

Потрясенный взгляд. Очевидно, он попросил у нее нечто сугубо личное.

– Ни за что.

– Сделайте несколько обычных предметов для офиса нашей компании.

Это работа, она профессиональный художник и не может отказать. Он надеется. В ее глазах застыл вопрос.

– Должна ли я буду приезжать в ваш офис?

Рискованно, конечно, подпускать ее так близко к отцу, но он будет там, чтобы вовремя вмешаться. Более того, это позволит держаться к ней ближе. Победить ее, как и иных врагов. Собрать больше информации о том, что происходит между ней и отцом.

– Для консультации, дизайна и монтажа.

Таш заколебалась, прищурилась. Гамма эмоций отразилась на ее лице.

– А вы там будете?

О, это просто невежливо.

– Естественно. Я комиссионер.

– Когда вы хотите, чтобы я приехала?

Эйден мысленно прокрутил все встречи отца, о которых знал, выбрал самый неудобный день. Отец будет мотаться по городу. И он назвал дату и время. Нет ничего плохого в подтасовке в свою пользу. Он зарабатывает этим себе на жизнь. Найти возможность, извлечь пользу, обратить в преимущество. Таш потянулась за очками.

– Ладно. Увидимся позже.

Не дожидаясь ответа, нажала башмаком со стальным носом на педаль и повернулась к паяльной лампе на подставке, в которой вспыхнула сине-пламенная жизнь. Эйден позволил себе выказать удивление, поскольку она больше на него не смотрела. Никогда прежде его не исключали столь эффектно из собственного разговора. Твердо, но определенно

не грубо. Все-таки он кое-чего добился. Все, что происходило между Наташей Синклер и его отцом, тщательно выставлено напоказ, и он вбил клин. Лучше и быть не может.

* * *

Если бы не его всепоглощающее эго, Таш расцеловала бы Эйдена Мура. Он дал ей прекрасный повод приблизиться к любви ее матери. Каждый парень, с которым она когда-либо встречалась, для начала покупал у нее что-нибудь или интересовался ее работами. Таш потеряла интерес к продажам такого рода, мужчинам такого рода. Не важно, насколько это прибыльно. Она знала по опыту: мужчины с харизмой и социальным статусом Эйдена Мура не планируют связать жизнь с такими женщинами, как она. Из таких женщин получают потрясающие любовницы или очаровательное сопровождение на скучные обеды и прочие мероприятия. Не то чтобы это ее задевало. Вражда их семей только добавила бы антагонизма, который он испытывает к ней.

Натаниэль призывал выбросить из головы семейные разногласия.

Таш взбежала вверх по ступенькам железнодорожного моста и пошла по направлению к офисному зданию компании Муров со своим портфолио под мышкой. Волнение перед новым заказом зашкаливало, кроме того, беспокоила встреча с Натаниэлем. Он отложил важную встречу, когда

узнал, что она придет. Они часами болтали о ее матери, о своих семьях. Натаниэль Мур не сожалел о своем выборе, однако хотел избавиться от призраков прошлого.

– Наташа, добро пожаловать.

Вкрадчивый голос донесся до нее из такси, припаркованного у обочины тротуара перед входом. Эйден наклонился расплатиться с водителем, развернулся и проводил ее в здание, нежно придерживая рукой за спину. Таш упорно его игнорировала.

Она слишком нервничала, чтобы оценить высокий современный светлый, со стеклянным фасадом вестибюль. Крошечные пылинки танцевали в лучах света. Идеальные условия для работы со стеклом.

– Вам еще нужно зарегистрироваться. – Эйден направил ее на ресепшен.

После этого охранник надел на нее бейджик с именем и улыбнулся:

– Благодарю вас, мисс Синклер. Я дам знать мистеру Муру, что вы идете наверх.

Глубокий голос рядом с ней произнес:

– Он знает.

– Простите, мистер Мур, я имел в виду старшего мистера Мура. Он ожидает прибытия мисс Синклер.

Мужчина позади нее заметно напрягся. Ничего не поделаешь. Натаниэль имеет право общаться, с кем пожелает. Нравится это сыну или нет. Эйден сильно сжал челюсти, нахму-

рил брови, украдкой бросая взгляды на ее отражение в зеркальных стеновых панелях лифта. Таш делала все возможное, чтобы оставаться веселой и беззаботной, хотя была уверена, что это еще сильнее бесит его. Как только он попытался заговорить, лифт остановился, двери разъехались с жизнерадостным звоном.

Спасена звоном. В буквальном смысле. Таш шагнула вперед и подставила щеку Натаниэлю.

– Наташа, так замечательно, что вы здесь. Неожиданное удовольствие. – Он устремил взгляд на каменное лицо сына.

– Не знал, что вы знакомы.

– Я мог бы сказать то же самое, отец.

Тот проигнорировал его слова.

– Полагаю, вы здесь для того, чтобы создать чудеса для нашего вестибюля? С нетерпением жду ваших предложений по дизайну.

– А я жду совместной работы с вами. – Простая вежливость требовала добавить «обоими». – Начнем?

Они свернули в длинный холл.

– Как твоя встреча с Лархилсами? – бросил Эйден отцу.

– Откладывается.

– А-а-а.

Таш заметила, как старший Мур положил руку на плечо сына.

– Поворот фортуны. Я бы не смог оценить визит Наташи. Эйден почтительно придержал дверь в зал заседаний.

– Откуда вы знаете друг друга?

– Я знал ее мать.

Я любил ее мать. Таш уловила тайный смысл слов. Эйден сощурился.

– До недавнего времени я ничего не знал о ее потрясающем таланте художника, – продолжал Натаниэль. – Давай посмотрим, что она сможет сделать для нашего запущенного вестибюля.

Таш практически осязала разочарование и растерянность Эйдена, и частичка ее прониклась к нему жалостью. Если бы он не выслеживал ее так хищно, не пытался так настойчиво пригласить куда-нибудь. Какова вероятность того, что он вышвырнет ее на улицу, узнав, что она из семейства Портер. Независимо от заказа. Таш впервые ощутила чувство вины за то, что врывается в идеально гармоничную жизнь со своим мешком тайн. Какая жалость, что она не собирается брать с Натаниэля деньги за этот заказ! Это будет подарком от матери мужчине, которого она любила.

– Освещение вашего вестибюля идеально подходит для стекла, – начала она, обращаясь к Натаниэлю. – Хорошо сориентировано на зимний свет и удачно высоко расположено для каскадных композиций.

Эйден приподнял левую бровь.

– Мы как-то очень быстро перешли от пары ваз к чему-то существенному.

Таш посмотрела на него:

– Пространство определяет изделие.

– Я-то думал, изделие определяю я, – сказал он, – будучи заказчиком.

Таш резко приподняла подбородок.

– Заказчики всегда так думают.

Натаниэль рассмеялся:

– Это может быть твой заказ, Эйден, и результат твоего творчества, Наташа, но это мое здание. Поэтому мы равно заинтересованные партнеры.

Таш снова повернула голову к нему, ей понравилась идея быть партнером Натаниэля, можно даже потерпеть его сына.

– Вы владеете всем зданием?

Она и не подозревала, насколько богаты Муры. Здания в самом сердце центрального делового района не дешевы.

– Набиваете цену? – спросил Эйден.

– Эйден. – Неодобрительный взгляд карих глаз пресек его.

– Это не праздный интерес, важно понять, нужно или нет получать разрешение других арендаторов. Экономия времени.

Натаниэль кивнул, довольный ее ответом.

– Итак, обговорим дизайн?

Оба Мура были поглощены ею и, казалось, совершенно не озабочены уходящим временем. Но в глубине сознания она понимала, во сколько обойдутся девяносто минут двух топ-менеджеров компании.

– Думаю, пожалуй, хватит для начала. На следующей

неделе я смогу отправить вам по электронной почте несколько эскизов.

– Привози их сюда, – предложил Натаниэль, Эйден сощурился. – Мы сможем пообедать в следующий раз. Сейчас немного поздновато.

Нет, если вы спросите ее урчащий желудок. Она слишком нервничала, чтобы поесть заранее.

– Звучит заманчиво.

Эйден снова нахмурился. *Если он будет продолжать в том же духе, навсегда испортит свой импозантный лоб.*

Прощание вышло кратким. Таш едва ли могла открыто обнять Натаниэля, как ей хотелось. Эйден вызвал ей лифт, придержал дверь, когда та открылась. Словно желая убедиться, что Таш на самом деле туда войдет, затем тоже шагнул в кабину.

– Вам, видимо, нужно быть где-то в другом месте, – намекнула она.

Быть где-то в другом месте, а не следить за ней.

– Я вызову вам такси, – буркнул он.

– Я поеду на электричке.

Эйден шел за ней по пятам до вестибюля.

– Я провожу вас на станцию.

– Я остановлюсь где-нибудь перекусить.

– Замечательно. Умираю с голоду.

Таш бросила на него взгляд исподтишка. Утонченный. Большинство мужчин, по крайней мере, изобрели бы ка-

кую-нибудь причину, чтобы остаться с ней и чем-нибудь поразить. Этот же даже не потрудился придумать причину.

– Я не собираюсь выходить с вами в свет, Эйден.

Он обернулся.

– Не помню, чтобы я это предлагал.

– Вы сочли это само собой разумеющимся. Наши отношения сугубо профессиональные.

Говоря о причинах...

Он сощурился:

– Это просто обед, Наташа. Я вряд ли буду делать вам предложение за поджаренным сэндвичем.

Она расправила плечи.

– Опыт показывает, именно так и происходит.

Высокомерие. Вседозволенность.

Эйден наклонил голову. Что-то недоброе мелькнуло в его лице.

– У вас неправильный опыт.

Таш рассмеялась:

– Трудно не согласиться.

Последние четыре года средней школы она успешно отбивала атаки мальчиков, которые думали, что ее одежда хиппи отражает жизненные ценности. После школы мужчины хотели заполучить представительницу нетрадиционной художественной школы на свою стену трофеев. А потом Кайл...

– Ланч. И все.

Эйден посмотрел на нее сверху вниз, презрительно изо-

гнув губы.

– Пока вы не скажете мне иное.

Уфф. Такая тонкая граница между самоуверенностью и самодовольством. К первому она не могла не чувствовать притяжения, от другого хотелось бежать. У нее было достаточно высокомерных мужчин. Таш бросила испепеляющий взгляд и повернулась к выходу. В хорошо вымытом стекле фасада увидела отражение его улыбки. Легкой. Искренней.

А улыбка у него красивая, подумала ненароком.

Они остановились у кафе «Утренняя заря», вероятно лучше подходящем для завтрака, но нищие не выбирают. Эйден предпочел столик в глубине.

– Итак, мой отец и ваша мать знают друг друга?

Вопрос врасплох. Таш не ожидала.

– Знали. – Таш откашлялась. – Мама умерла в прошлом году.

Эйден нахмурился:

– Сожалею. Не знал.

– Откуда вам было знать.

– Как они познакомились?

– Учились вместе в университете.

Правда. Но не вся. Остальным она не может поделиться. Это не ее тайна.

– Значит, ваша и моя мама могли знать друг друга. Мои родители встретились именно там. Впрочем, мать бросила учебу до выпуска, поэтому, возможно, и нет.

Таш затаила дыхание и ухватилась за возможность смелить тему.

– Она не окончила университет?

Эйден улыбнулся официанту, который принес им кофе.

– Боюсь, по моей вине. Университеты тогда не приветствовали создание семей. Мои бабушка и дедушка забрали ее оттуда, когда она забеременела.

– И она не окончила?

– Полагаю, воспитание ребенка и роль жены подающего надежды администратора заполнили ее жизнь. – Его взгляд затуманился. – Она многим пожертвовала ради меня.

– Вы же ее сын.

– Я все равно благодарен.

Таш не хотелось давать ему лишние очки за то, что он оказался приличным человеком, или отвечать на его открытость и продолжала ненавидеть самовлюбленного красавчика.

– Вы говорили ей это?

Эйден взглянул на нее, она обнаружила, что ее притягивает природное любопытство в его бездонных глазах. Открываться до известной степени она не рискнула бы.

– Первое, о чем жалела, когда потеряла маму, – я не поблагодарила ее.

За жизнь. За возможности. За любовь. Каждый день.

Его взгляд смягчился.

– Она знает.

Он говорит о своей маме или о моей?

Таш протянула ему меню.

– Так вы серьезно о поджаренном?..

– Вы натуральная блондинка? – спросил он одновременно.

Меню застыло в ее пальцах. Но он заторопился, будто понимая, как плохо она воспримет этот вопрос.

– Все дело в ваших глазах, я думал, светлые волосы и карие глаза генетически невозможны.

Охвативший ее холод чуть-чуть отпустил, удалось-таки положить меню на его стороне стола. Его взгляд скользнул по ней.

– Если это не контактные линзы?

– И то и другое у меня от рождения. Такое случается.

Таш принялась изучать меню. Эйдену было все равно, что заказывать. На встрече перед этим был легкий завтрак, он не голоден. Зато жаждет информации.

Ее мать умерла. Понятно, почему эта женщина не появляется на сцене, препятствуя свиданиям дочери с мужчиной, который вдвое старше. Может быть, это объясняет и уязвимость в ее взгляде. Но этого недостаточно. Он медленно продвигался к тому, что хотел знать.

– Вы были стеклодувом всю свою жизнь?

Таш достаточно молода для профессионала, мастера. Выглядит на двадцать с небольшим. Свежая. Почти невинная. Правда, внешность обманчива. Она достаточно взрослая и к тому же имеет репутацию в художественных кругах, а также

понимает, что внешностью деньги можно заработать быстрее, чем продавать вазы.

– Двенадцать лет. Мы ходили в стеклодувную мастерскую, когда я училась в школе, мне там так понравилось. Сначала было хобби, но после школы я занялась этим профессионально.

– А высшее образование?

– Я была слишком занята приобретением собственной мастерской и ведением дел.

– Прекрасное место, – намекнул он. – Гранты на искусство нынче по идее довольно приличны.

Таш поджала губы.

– Не знаю. У меня не было ни одного в течение многих лет.

Эйден внимательно изучал ее.

– Вы на полной самокупаемости от продаж?

– Я торговала предметами в розницу на мастерскую, пока не утвердилась в ремесле, чтобы продавать на коммерческой основе по заказам.

– Значит, где-то есть сумасшедший коллекционер произведений Таш Синклер, дом которого полон стеклянных морских коньков?

Она пожала плечами.

– У него было пустое коммерческое пространство, а у меня инвестиционный потенциал. Наши лодки пошли вместе.

– Ах, меценат. – *Конечно.*

Ее глаза на мгновение потемнели, затем она отвела взгляд.

– В то время. Теперь он мэр.

Кайл Жарден. Эйден знал этого человека. Большая рыба, маленький пруд. Всегда слишком доволен собой, учитывая то небольшое, чего он на самом деле добился в жизни. Государственный чиновник среднего звена. Точно не тот человек, на которого бы клюнула темпераментная интриганка-золотоискательница.

– Солидный покровитель.

Губы Таш скривились.

– Достаточно солидный, чтобы перестать поддерживать, выставив свою кандидатуру на выборах.

Ага, теперь она клюнула на его отца... Таш отбросила волосы назад.

– Кроме того, он предоставил мне свободу, и я поняла, что могу стоять на ногах. Да, я на самоокупаемости вот уже два года. У меня есть мастерская благодаря ему, дом благодаря маме. Я могу устанавливать свои цены и ставить на стол что-то лучшее, чем лапша быстрого приготовления, благодаря моей привычке работать со стеклом семь дней в неделю.

– И благодаря вашей репутации. Ваши изделия не дешевы. Таш поерзала, но глаз не отвела.

– Это вы скоро узнаете.

Эйден усмехнулся и спросил нечто, выходящее за рамки сценария:

– Вас не смущает, что Жарден разбогател на вашем талан-

те, а затем дал вам полную свободу?

Похоже, Таш хотела прокомментировать это, но передумала.

– Он мог продавать их только однажды. Я же могу делать новое изделие каждую неделю. Кроме того, – она улыбнулась женщине, которая пришла принять ее заказ, – художник продает каждое произведение, извлекая при этом для кого-то другого прибыль большую, чем для вас. Закон джунглей. Не стоит привязываться.

Подходит ли это к людям? Такова, значит, тактика выживания в ее мире?

Таш повернулась, чтобы сделать заказ. Круглосуточный завтрак. Совершенно неприемлемо, ведь уже почти четыре часа. Эйден заказал что-то легкое и вторую порцию кофе. Интересный будет обед.

– Откуда такое увлечение природой? Все эти морские существа, птицы и неистовые краски.

Таш внимательно посмотрела на него, пожала плечами:

– Я делаю то, что диктует мне стекло. Обычно что-то, имеющее отношение к природе.

– Стекло вам диктует. В самом деле? Это немного хиппово.

Она улыбнулась.

– Я и есть хиппи. И совершенно не стесняюсь этого.

Если она и хиппи, то сегодня обуздала свои пристрастия. Темный креповый топ с нарядным лифом, юбка в пол. Нечто

женственное и струящееся. Эйден не видел ее ног, не терпелось узнать, надеты ли на ней сандалии, покрашены ли ногти или – что-то глубоко внутри его резко перевернулось – имеется ли колечко на большом пальце ноги. Может быть, маленькие колокольчики на лодыжке. Татуировка?

Опомнись, Мур. Фантазировать об украшениях женских ног. Извращенец.

– Что? – спросила Таш, хлебная палочка замерла на полпути к ее рту.

Эйден изобразил на лице спокойствие. Что его выдало? Он ухватился за нечто, заслуживающее доверия.

– Так, вспомнилось. Мои родители. Когда я был маленьким, моя мать была одета почти как вы. Думаю, они, возможно, были вполне органичны в свое время.

Таш улыбнулась.

– Это было в середине восьмидесятых? Движение «нью эйдж» тогда процветало. Очень может быть. Или вы думаете, ваш отец родился в деловом костюме?

Воспоминание, которое выдало его подсознание, когда нужно, чтобы ложь стала очевидной. Эйден действительно помнил мать, одетую по-земному и свободно. Смеющуюся с отцом, обнимающую малыша Эйдена. Воспоминание имело оттенок техноколор, как у фотографий восьмидесятых годов. Но именно счастье матери показалось ему неуместным. Много времени минуло с тех пор, как у него возникли воспоминания о том, как она смотрела на отца. Обожающе. Заин-

тересованно. Возможно, это больше плод воображения, чем воспоминание. Эйден не мог представить отца лежащим на траве у реки, разглядывающим облака, дышащим в унисон с журчанием воды.

– Вы, значит, не много знаете о прошлом родителей? – Таш тщательно делала нейтральное лицо. Можно подумать, Эйден не заметит ее неловкие попытки получить информацию об отце, которой она сможет воспользоваться для его оболения.

Он сжал челюсти.

– До того, как я появился? Нет, не очень. Я знаю, что они встретились в универе. Он одновременно проходил курсы по коммерции и праву, она изучала искусство до тех пор, пока не ушла в конце второго года.

Похоже на судебный протокол.

– И хватит об этом.

– Вам не любопытно?

– Не особенно. Это старая история.

Странно, что матери Таш не было среди знакомых. Она приподняла бровь.

– Скорее, не считается, поскольку не касается вас.

Уфф! Неужели я стал таким ничтожеством после знакомства с ней? Да, наверное.

– Мои родные близки, но они всегда старались держать детей подальше от дел старших.

На самом деле в его семье дети получали по рукам за то,

что совали нос в дела взрослых. Поэтому он точно знал, как возмутится отец, когда поймет, что сын старается помешать охотнице за состоянием. Но это его не волновало. Он вряд ли будет стоять в стороне и даст Наташе Синклер, этой сирене с кольцом на большом пальце ноги, разрушить тридцатилетний брак.

Его отец красивый богатый человек. Амбициозные женщины регулярно приходили и уходили. Но, как правило, не производили каких-либо серьезных изменений. За все годы, что они проработали вместе, Эйден никогда не видел отца таким заикленным на женщине. Особенно на такой молодой. Хотя знал, подобное бывало, по крайней мере один раз. Печально известный случай, никто не упоминал этого, разве что шепотом. Если Таш хочет путаться с богатым Муром, ей придется раскусить крепкий орешек наследника. Он способен, более чем охотно, отбить ее, его потрянуло при этой мысли.

Может быть, ее свободный дух будет овеять его, как поток свежего воздуха. Он не знал. А если и знал, то великолепно владел лицом игрока в покер.

* * *

Ничего не изменилось за неделю, с тех пор как она впервые сидела в зале заседаний. Таш взглянула на пригород. В здании компании Муров административный этаж имел один

из лучших видов на город. Эйдена Мура, казалось, совершенно не волновало общее прошлое их родителей. Точно так же, как и ее до того, как открыла тот первый дневник. Что же касается семейной тайны, о которой говорили шепотом, она на удивление хорошо сохранялась.

Таш взглянула на обоих мужчин. *Кстати, известно ли тебе, что моя мать и твой отец были любовниками?*

Таш не была членом этой семьи, несмотря на то что чувствовала себя причастной.

– Ладно, – сказала она, наклоняясь вперед. – Все довольны дизайном?

Шесть маленьких масштабных моделей в стекле и большой карандашный набросок украшали стол. Рыбы различных размеров, морские коньки, ныряющая утка, полосы водорослей, сверкающий косяк криля.

– А это будут осколки солнечных лучей, пронизывающих океан.

Натаниэль улыбнулся, не глядя туда, куда указывали ее пальцы.

– У нас никогда не было ничего подобного ни в одном здании. Это поразительно.

– Сколько это будет стоить? – спросил Эйден сквозь зубы.

Таш показалось, что арктическая оттепель за обедом на прошлой неделе была лишь затишьем перед бурей.

– Эйден, – рявкнул Натаниэль. – Это не важно.

Таш попыталась разрядить внезапно возникшую напря-

женность между двумя мужчинами.

– Это для меня как выставка, поэтому только цена материала.

Эйден нахмурился. Натаниэль выпрямился.

– Нет, Таш. Вы не должны...

Их глаза встретились.

– Я не собираюсь выставлять вам счет за потраченное время. Просто потребуется много стекла, так что, если вы покроете расходы на материал, буду благодарна.

Настаивать неудобно, и она по-рыцарски предложила выход из неудобного положения.

– Естественно, мы оплатим материал, но... – Он поджал губы и на мгновение задумался.

– Нам действительно необходимо публичное заявление. Таким образом, вы извлечете пользу из пиара в качестве оплаты за ваше время.

– Я не требую оплаты времени.

Эйден переводил взгляд с одного на другого.

– Я желаю продемонстрировать изумительный дизайн перед моими корпоративными коллегами. Возможно, вы обратитесь заказам, и чем больше, тем лучше.

– Натаниэль...

– Решено. Я не буду протестовать против того, что вы не выставляете счет за потраченное время, уверен, немалое время и художественное умение, в ответ же ожидаю, что вы будете снисходительны к моему желанию устроить ве-

чер, чтобы отпраздновать приобретение самого значительного произведения искусства.

Так сесть в калошу!

Таш бросила на него испепеляющий взгляд. Затем очень нелюбезно фыркнула.

– Хорошо.

– Хорошая девочка.

Эйден прищурил левый глаз.

Таш встретила взгляд и выдержала его.

– Хорошо сработало, не так ли? – спросил он безразлично.

Она поняла скрытый смысл недосказанности Эйдена, подразумевающей «для вас».

Глава 3

Таш вышла из дорогого автомобиля в туфлях на самых высоких каблуках, какие у нее имелись. Их изобретение ей всегда казалось бессмысленным, но в любом случае в ее арсенале несколько лишних сантиметров против Эйдена.

– До сих пор не могу понять, зачем мне приглашение на вечер в мою же честь?

– Считайте это Вип-эскортом, – пробормотал он.

Угу. Она могла бы ожидать этого скорее от отца, но не от сына. Хотя забавно представлять его в качестве эскорта. По высшему классу. Он для этого достаточно ловок, красив, вполне умеет притворяться. И у него хорошая фигура.

– Что-то забавное?

Таш сжала губы в линию.

– Нет. Просто оцениваю архитектуру. Я никогда не бывала внутри этого здания.

Вторая фраза была правдой.

– Добро пожаловать на экскурсию. Оно прекрасно отреставрировано.

Его рука опустилась к ее пояснице, когда он повел ее вверх по лестнице через богато украшенные двери. Тепло его пальцев покалыванием ощущалось через легкую ткань платья.

– Я подумал, вы посмотрите стекло. Поэтому мы выбрали

именно это место для приема. И именно это время дня.

Таш скользнула взглядом по потрясающим витражам западной части здания, практически горящим в интенсивном послеполуденном свете.

– Я видела их снаружи, конечно.

– Наташа. Эйден.

Натаниэль шел к ним, элегантный и красивый, как всегда.

– Неужели вы приехали одновременно?

Эйден чуть приподнял подбородок, но этого оказалось достаточно, чтобы поставить крест на его лжи о необходимости сопровождения. Занятно наблюдать, как, загнанный в угол неумением лгать, он старается выкрутиться. Таш наклонилась к Натаниэлю для поцелуя, затем оглядела красиво оформленное место приема. На большом экране были профессионально сфотографированы и освещены ее стеклянные заготовки, они выглядели примерно так же, как законченные произведения. Команда телевизионщиков быстро проскользнула мимо них, тестируя оборудование для заключительных выступлений.

– Так красиво! Ваши приемы всегда столь впечатляющи?

– Эйден задает высокую планку.

Таш обратилась к нему:

– Это ваша работа?

– Не я выбирал цветы, если вы об этом, но точно знаю всех профессиональных устроителей вечеринок в городе и способы заполучить лучших из них.

Могу поспорить.

– Извините меня, – сказал Натаниэль, – непростительно проворные уже начинают прибывать.

Он махнул рукой на цветную рекламу, и изображения на большом экране резко исчезли. Пока свет постепенно угасал, его сменила музыка.

Рука Эйдена снова легла на ее поясницу и теперь горела вполне ощутимым теплом. Либо у него резко поднялась температура за последние тридцать секунд, либо у нее необъяснимо упала. Настолько, что крошечные мурашки пробежали по спине.

– Хотите выпить? – прошептал он ей на ухо.

Его обаяние и харизма должны производить определенный эффект. Таш отпрянула от нежного прикосновения.

– На самом деле вам не нужно сопровождать меня, Эйден. Я вполне способна благополучно добраться до бара самостоятельно.

Или нет, поскольку она мало пьет и, конечно, не на мероприятиях, связанных с ее работой.

– Уверена, вам есть чем заняться этим вечером, вместо того чтобы следовать за мной как тень.

Эти слова сорвались с губ неосознанно, и тут она поняла, именно это он и делает. Следит за ней. Контролирует ее прибытие и отбытие, передвижения.

Почему?

– Сегодняшний день очень важен для моего отца. Я нахо-

жусь рядом, чтобы вмешаться, если что-то пойдет не так.

Вмешаться? Следуя за ней по пятам?

– Что, как вы думаете, я собираюсь здесь делать? Улягусь на барную стойку и стану пить прямо из бутылки?

Его голубые глаза сверкнули.

– Дорого бы я заплатил, чтобы увидеть это.

– Уверена, заплатили бы, учитывая некоторые другие вещи, на которые вы, как известно, тратите деньги. – Таш не обратила внимания на проблеск удивления. – Но я побывала на многих таких вечеринках и знаю правила. Появиться, хорошо выглядеть и быть достаточно распушенной, чтобы вызвать уместный интерес. Интриговать, но не обижать. Проvozировать домыслы, но не сплетни.

Это все о внешнем виде. И слухах.

Таш остановилась у барной стойки и заказала безалкогольный коктейль. Если Эйден и заметил это, то никак не прокомментировал. Главное, напиток казался горячительным. Но она будет полностью контролировать себя весь вечер.

Эйден нахмурился:

– Как думаете, зачем вы здесь? Для развлечения?

Таш повернулась и сделала большой глоток через стеклянную соломинку. Тонкий и удачный штрих, учитывая направленность вечера.

– Для чего-то другого. Но это ничего не меняет, поскольку дата свидания неизменна.

Не то чтобы он назначал ей свидание...

– Главное, я не сделаю ничего, чтобы Натаниэль испытал неловкость перед коллегами.

– Думаете, я беспокоюсь об этом?

– Не знаю, что и думать. Я понимаю, вы играете мной с того дня, как мы встретились, и вмешиваетесь в наши отношения с вашим отцом. – Как же здорово бросить ему в лицо его же слова! – Ваша компания уже выдала мне солидные коммиссионные. Что еще, как вы думаете, я пытаюсь вымогать у него? Его брови приподнялись.

– Заметьте, не я это сказал.

Какой глупой она была, не видя этого раньше! Соломинка выпала из ее рта.

– Вы думаете, я имею виды на вашего отца?

В первый раз Эйден оставил свою маскировку, и этот видимый нейтралитет еле сдерживал нечто совсем иное. Нечто весьма увлекательное в своей страсти.

– Он одержим вами. А вы окружаете его вниманием и манящими улыбками, удерживаете его, беспомощно барахтающегося в ваших сетях.

Манящими? Таш не была уверена, что задело ее больше: предположение о том, что она сознательно пытается соблазнить Натаниэля, или осознание того, что интерес Эйдена к ней до сих пор был чисто стратегическим?

– Он взрослый человек. Уверена, в свои пятьдесят пять лет он умеет справляться с женщинами намного более кра-

сивыми и гораздо более опытными, чем я.

– Тогда к чему этот интерес? Чем он вызван? – настаивал Эйден.

– Он знал мою мать.

Эйден фыркнул и увлек ее за собой за ряд больших цветочных горшков, стараясь скрыться от взглядов гостей.

– В таком случае обратите свое навязчивое внимание на одного из ее других друзей. Избавьте мою семью от этого.

У Таш перехватило дыхание. Слова «навязчивое внимание» ранили гораздо глубже, чем следовало.

– Семейю? Я думала, мы говорим о деньгах.

Его ноздри бешено раздувались.

– Вы всегда беспокоитесь только о деньгах?

У нее почти никогда дело не доходило до денег. Даже с Кайлом. Таш верила в его искренние чувства к ней. Деньги лишь свели их вместе.

– Думаю, это именно то, чего вы ожидаете. Это язык, на котором вы говорите.

Эйден фыркнул:

– Пытаетесь напомнить, что деньги не пахнут.

– Пахнут. Я реалистка. Но это не центр Вселенной.

– Вот только не надо о любви. – Он презрительно усмехнулся.

– Я хотела сказать: люди, только это имеет значение, хотя любовь тоже. Друг к другу. К нашим семьям. – Она сделала особое ударение на слове «семьям».

– Вы предпочли бы быть любимой, чем богатой?

– А по-вашему, лучше предпочесть богатство.

– Возможно.

Таш уставилась на него.

– Ваша мама тоже такая?

– Какое отношение к этому имеет моя мать?

– Вы так не похожи на отца в своих взглядах на жизнь.

Могу предполагать, это влияние матери сделало вас таким.

– Каким? Не таким, как вы? Если вы до мозга костей хиппи во всем, что касается любви, людей, цветов и солнечного света, я ожидал бы от вас большей благосклонности к различиям между нами.

Это обмануло бы меньшие, если бы не татуировка символа мира на лодыжке.

– Я благосклонна к различиям, просто пытаюсь их понять.

– Зачем? Я вам не нравлюсь. Вы не хотите находиться рядом со мной. Какое, черт побери, это имеет значение?

Возможно ли, что он уязвлен отсутствием у нее интереса к нему, где-то в глубине души, куда блеф и бахвальство не могут проникнуть? Таш уставилась в эти безжалостные глаза. Невозможно поверить.

– Думаю, это не имеет значения.

Хотя не мешает проявлять интерес к той самой глубине, куда не проникал ее защитный внешний лоск.

– За исключением того, что вы заставляете меня затормозить ваш персональный проект. Чувствую, мы будем часто

видеться.

Эйден издал короткий смешок.

– Торможу вас, значит, я паршиво справляюсь со своей работой.

– Нет. Не просто тормозите. Ваш бренд пресмыкающегося гораздо более очевиден.

В тот момент, как эти слова вырвались у нее, Таш о них пожалела. Невежливо заклеить человека пресмыкающимся, равносильно обвинительному заключению. Особенно когда он выступает твоим заказчиком.

Эйден взвился:

– Не уверен, что меня когда-либо прежде характеризовали подобным образом.

Таш не отступила, выпрямилась и осушила бокал.

– А как женщина, которую вы покорили, это назвала?

Его губы скривились, глаза потемнели. Эйден все-таки нашел пространство, чтобы сделать еще полшага вперед.

– Последняя женщина, которую я покорил, умоляла меня сделать это, – выдохнул он и пробежал пальцем по шнуровке ее платья.

Мгновенный жар опалил ее грудь и расцвел в декольте. Таш резко отстранилась от него и вернулась в бар.

– Славная попытка.

Она засмеялась делано небрежно и подала бармену знак повторить напиток.

– Я не купилась на нее.

– Не купились на что?

– На все. Проступок богатого обаятельного плохого мальчика, превосходного сына, докучливого бизнес-партнера.

– Хотите сказать, я не воплощаю в себе все эти качества?

– Ах, вы безусловное воплощение, но я не куплюсь на это.

Тут кроется что-то еще. Придется понять, что именно.

– У меня нет никакой тайны, Таш. Что видите, то и получите.

– Вы же бизнесмен, Эйден. То, что вы видите, – это не то, что вы получите. – Таш осмотрелась. – Теперь, извините, мне следует кое с кем встретиться.

Она развернулась так резко, что юбка заструилась вокруг ног, и оставила его безмолвно смотреть ей вслед.

Таш переходила от гостя к гостю, очаровывая мужчин, подкупая обаянием женщин и привлекая их в ряды собственной команды. Она была именно такой, какой обещала ему быть. Интригующей для любопытных глаз, но вполне уместной для таблоидов. Она несколько раз прошла мимо его отца, они обменялись демонстративно нейтральными взглядами, ничего не выражающими, чтобы не давать повода для пересудов. Если только не искать причины.

Или же он все еще в поисках чего-то несуществующего? Двадцать лет назад случилось нечто, что создало напряженность в его многочисленной семье и вбило клин между его родителями. Нечто, имеющее отношение к какой-то женщине. И он вырос с отголосками этого события и воспоминани-

ями о том, как его мать рыдала в винном погребе, где спряталась, чтобы ее не слышали, и проклинала имя, произносимое шепотом его тетями и дядями в дальнейшем.

Портер.

Это все, что он знал. Достаточно, чтобы преподать ему первый урок верности. Успешный бизнесмен. Любящий отец. Изменяющий муж. Эйден научился отделять эти понятия так же, как, вероятно, должна была делать его мать, чтобы продолжать жить и любить человека, который мог сделать нечто подобное. Они прошли через эти испытания, и Эйден тоже. Но он никогда не забывал о пережитом.

Его глаза отслеживали Таш по всему залу.

– Она нечто, правда? – раздался голос из ниоткуда, низкий и резкий, слева от него. – Ты уже переспал с ней?

Эйден резко развернулся.

– Та еще штука, – продолжал мужчина. – Секс-машина.

Неуважение и полнейшее презрение в глазах Кайла Жардена нанесли Эйдену удар ниже пояса. Тяжело и некрасиво. Его любопытство ожесточилось и превратилось в чистый гнев.

– Резкие слова, учитывая, что ты разбогател за ее спиной, Жарден.

Мэр зло прищурился.

– Или она разбогатела сама по себе. Хотя надо признать, она чаще бывала на спине, чем за спиной.

Эйден слышал то, что хотел услышать. Она охотница за

деньгами, как он всегда подозревал. Добилась нынешнего успеха через постель. И все-таки по непонятным причинам он не поверил этому. Ни на миг.

Это не Таш.

– Ты в списке приглашенных, не знал, – пробормотал Эйден, прекрасно зная, Жардена в списке не было. Хотя заманчиво поладить с ним, чтобы узнать, что тот думает о Таш. Оказалось, думать Жардену особенно нечем, мозгов кот наплакал.

– Ошибка в компьютере, уверен. Я пришел с Шеннон Карлос.

Верно. Его последняя секс-машина.

– Я и не подозревал, кто именно инженеру твоего отца, – продолжал Жарден, не осознавая напряженности, исходящей от Эйдена. – Стоит ему намекнуть, что невинному виду этой девицы не следует доверять?

Эйден впервые пожелал слегка отступить в сторону. Он засунул руки глубоко в карманы. Пальцы сами собой сжались в кулаки.

– Ее личная жизнь не касается нашей компании. Мы просто сделали заказ в соответствии с ее художественными навыками.

– Даю неделю, – фыркнул Жарден, делая последний глоток. – Она коварная.

Если он скажет что-нибудь еще... еще одно слово...

– Что ты имеешь в виду?

– Ты ничего не подозреваешь. Не знаешь толком, как это произошло. Но в один прекрасный день ее зубная щетка оказывается в твоей ванной, а молоко ее любимой марки в твоём холодильнике.

– Звучит не слишком зловеще.

– Она похожа на одного из тех пауков, что заманивает тебя соблазнительным танцем, а после того, как получит, – бац! Не так уж красива и соблазнительна.

Эйден не мог представить себе ни того ни другого.

– Она не производит впечатления черной вдовы.

– Я говорю о слезах и навязчивости, которые потом начинаются.

Навязчивость. Разве он сам не использовал то же слово раньше? Эйден смотрел на Жардена и удивлялся.

– Классическая реклама с исчезающей приманкой, приятель. – Жарден повернулся к барной стойке. – Вот что я тебе скажу.

Нет, он говорил гораздо больше, и, вероятно, каждому из присутствующих здесь. Эйден внимательно осмотрел зал, нашел приятельницу Жардена, которая выпивала во втором баре, и потянулся к телефону. У него с Карлос по меньшей мере два общих приятеля. Один из них ему обязан. Не прошло и десяти минут, как Карлос убирала свой мобильник в сумочку и выслушивала разнос от очень недовольного Жардена, вместе с которым направлялась в сторону выхода. Он просто не мог остаться без нее, а ее срочно вызвали в отдел

маркетинга.

«Обидно, конечно, уходить, но совершенно необходимо», – объяснялась она.

Эйден лишь улыбнулся и придержал для них дверь.

Когда он вернулся в зал, поймал взгляд Таш. Ее облегчение было очевидным, он знал, что Жарден, скорее всего, получал удовольствие, дразня ее своим присутствием.

– Ничтожество, – пробормотал он.

– Надеюсь, это не про меня, дорогой, – раздался за спиной знакомый голос.

Эйден обернулся:

– Мама.

– Ну да, я здесь. Надеюсь, это того стоит, – объявила она.

Минули годы с тех пор, когда Лора Мур присутствовала на каком-либо официальном мероприятии их фирмы. Перерезание ленточки на открытии высотки их головного офиса было, вероятно, последним. Она не очень хорошо справлялась с официальной ролью, которую должна играть.

– Спасибо, что пришла, – тихо произнес Эйден, целуя ее в щеку.

Он верил, что присутствие матери поможет Таш вспомнить, что у Натаниэля Мура есть любящая жена.

Коварная. Уродливое слово от гадкого человека, но он не мог от него отделаться. Таш, несомненно, прокладывала себе путь в опасной близости к его букмекерской книге.

Эйден принес матери напиток из бара, пополнил свой ста-

кан и повернулся, чтобы отыскать отца.

– С кем это разговаривает твой отец?

Сердце Эйдена сжалось, затем он понял, что это не Таш.

– Маргарет Осборн. Жена...

– Тревора Осборна, да, узнаю. Боже мой, годы ее не пощадили.

Эйден неотрывно сопровождал мать в переполненном зале, пока они не попали в поле зрения отца. Его глаза удивленно расширились.

– Лора?

Та подставила щеку для поцелуя, значит, не совсем забыла, каково это быть миссис Натаниэль Мур, улыбнулась удивлению мужа.

– Да, я здесь, как ты видишь. Меня пригласил твой младший партнер.

Отец, казалось, встревожился. Эйден никогда не видел его таким.

– Ты всегда приглашена, Лора. И ты это знаешь.

Темно-синие глаза оглядели зал, затем расширились еще больше.

– Натаниэль, не должны ли мы?..

К ним подошла Таш и резко остановилась, заметив, как напряжен Мур-старший.

– Ох, извините, я, кажется, не вовремя...

Она взглянула на Лору, которая стояла с вежливым, ничего не выражающим лицом.

Натаниэль в буквальном смысле лишился дара речи.

– Лора Мур, – наконец представилась его жена. – А вы?

– Я... – Таш открыла было рот, но мужчины поспешили ее прервать.

– Наша почетная гостя, – сказал Натаниэль.

– Наташа со мной, – одновременно выпалил Эйден.

Удивление Таш соответствовало его собственному. *Почему, черт возьми, он сказал это?* Не потому ли, что пригласить мать сюда сегодня вечером вдруг показалось ему худшей идеей из всех возможных?

– Ах, вы художница? – Лора выручила своих обоих на мгновение поглупевших мужчин. – Натаниэль привозил домой фотографии ваших работ. Просто прелесть.

Таш улыбнулась, Эйден мгновенно узнал ее наигранную улыбку. Ту самую, которой она кормила всех здесь, воспользовалась несколько раз, когда они встречались.

Почему нет, что ей терять? Или скрывать? Ее ответ ничего не выдал.

– Благодарю вас, миссис Мур.

– Пожалуйста, называйте меня Лорой.

Это предложение, казалось, причинило Таш боль, но она продолжала фальшиво улыбаться.

– Мы уже встречались? – поинтересовалась Лора. – Вы кажетесь мне такой знакомой.

– Не думаю, – вставил Натаниэль. – Возможно, из газет?

– Возможно.

Лора прижала к губам сложенные домиком пальцы, Эйден впервые с изумлением заметил, как мать состарилась. По сравнению с золотистой гладкой кожей молодой женщины, стоящей рядом, морщины на руках матери кричали об этом со всей очевидностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.